

Алла Таньшина

*К 100-летию юбилею НАН Украины & 90-годовщине основания НИЦ «ХФТИ»**...В Харькове была создана мощная школа современной теоретической физики.
Академик Б. Е. Патон, президент НАН Украины***ИНСТИТУТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ ИМЕНИ А. И. АХИЕЗЕРА***Продолжение. Начало в №4 (2018)***Александр Ильич Ахиезер***Мне в жизни повезло дважды:
первый раз – с учителем Ландау,
а второй – с учениками.
Академик А.И. Ахиезер*

С именем Александра Ильича Ахиезера связано дальнейшее становление и развитие харьковской школы теоретической физики.

Александр Ильич, после переезда Л.Д. Ландау в Москву, стал его преемником на посту руководителя теоретического отдела УФТИ. По воспоминаниям Ласло Тиссы, иностранного сотрудника теоретического отдела Ландау, «Ахиезер прошел суровое испытание, показавшее, что, когда настанет время, он сможет стать преемником Ландау... На сей раз Ландау ускользнул от своих харьковских врагов. Но его враги еще перегруппируются, и Ландау будет арестован в апреле 1938 г. Но в Москве у него есть могучий и отважный друг Капица, который освободит его в следующем году. Пять славных лет, проведенных Ландау в Харькове, закончились...

Ахиезер стал старшим теоретиком УФТИ... Он сохранял традиции Ландау как в отношении качества, так и широты приложений во всех областях теоретической физики. Ландау, очевидно, им гордился» [1, с.316-317].

Александр Ильич Ахиезер был бессменным руководителем отдела теоретической физики в течение полувека – с 1938 по 1988 год. Обратимся к недавно опубликованным мемуарным заметкам академика Виктора Григорьевича Барьяхтара, одного из первых учеников А.И. Ахиезера, дабы не допустить неточностей в персональном составе тогдашних теоретических отделов:

«В теоретическом отделе А.И. Ахиезера (по его, разумеется, отбору) у нас собралась очень хорошая компания: кроме меня С.В. Пелетминский, П.И. Фомин (все мы с одного курса, а сейчас снова в одной “компании” – члены НАН Украины), К.Н. Степанов, Д.В. Волков, В.Ф. Алексин (они с курса, на год старше нашего).

Д.В. Волков (ставший академиком НАН Украины и без всякого преувеличения выдающимся теоретиком в области физики элементарных частиц) и В.Ф. Алексин, к сожалению, уже ушли в лучший из миров, а К.Н. Степанов – член-корреспондент НАН Украины.

В соседнем отделе И.М. Лифшица (известного всем как Ильмех) также работали выпускники ядерного отделения – В.И. Герасименко, В.В. Андреев, Е.В. Инопин, В. В. Слёзов (правда, последний перешёл туда из Ленинградского политехнического института)» [2, с.12].

На сегодняшний день, принимая во внимание *секретные нюансы** того времени, представляется возможным лишь бегло очертить научное наследие А. И. Ахиезера и его научной школы:

1941-1947 гг. – предсказание «холодных» нейтронов, пионерские работы по рассеянию медленных нейтронов кристаллами (совместно с И. Я. Померанчуком);

1946 г. – разработка концепции взаимодействующих между собой и с фонами магнонов, на основе которой впоследствии развита общая теория релаксационных процессов в магнетиках;

1947 г. – предсказано явление электронного циклотронного резонанса (совместно с Л. Э. Паргамаником);

1948 г. – развита теория резонансных ядерных реакций;

1948 г. – сформулировано условие эволюционности и разработан критерий устойчивости магнитогидродинамических волн (совместно с Г. Я. Любарским и Р. В. Половиным);

1949 г. – предсказано явление пучковой неустойчивости плазмы (совместно с Я. Б. Файнбергом);

1949 г. – построена теория дифракционного рассеяния быстрых заряженных частиц ядрами;

1955 г. – предсказан эффект дифракционного расщепления дейтрона и построена его теория (совместно с А. Г. Ситенко);

*По воспоминаниям академика В. Ф. Зеленского, директора ХФТИ в 1981-1997 гг., «с середины 60-х годов начал резко расти вклад института в оборонные отрасли: ядерную, ракетную, космическую и др. Качественно изменился и характер оборонных работ.

Если раньше институт привлекался только к решению задач, направленных на обеспечение Программы Курчатова, то теперь он уже начинает работать в тесном контакте с Главными конструкторами и производственниками над разработкой, изготовлением и испытанием новых образцов военной техники.

Как результат этого – резко повысился уровень секретности работ и, соответственно, уровень режимных требований при их выполнении» [3, с.501].

1956 г. – открытие явления магнитоакустического резонанса (совместно с В. Г. Барьяхтаром* и С. В. Пелетминским);

1957 г. – разработана теория поглощения ультразвука в металлах (совместно с М. И. Кагановым и Г. Я. Любарским);

1957 г. – исследовано рассеяние электромагнитных волн в плазме на флуктуациях электронов и ионов (совместно с А. Г. Ситенко и И. Г. Проходой);

1959 г. – построена теория кинетических, релаксационных и высокочастотных процессов в ферродиелектриках (совместно с В. Г. Барьяхтаром и С. В. Пелетминским);

1962-1963 гг. – выполнен цикл работ по явлениям переноса в плазме (совместно с В. Ф. Алексиним, В. Г. Барьяхтаром и С. В. Пелетминским);

1963 г. – развита теория радиационных поправок к ряду квантовоэлектро- динамических процессов при высоких энергиях (совместно с Р. В. Половиним);

1964 г. – выполнен цикл работ по электродинамике адронов, в частности, сформулировано правило эквидистантности для различных электромагнитных характеристик адронов, модель кварков распространена на электромагнитные процессы с участием адронов (совместно с М.П. Рекало); 1974-1982 гг. – выполнен цикл работ по теории процессов излучения каналированных электронов и позитронов в кристаллах (совместно с В.Ф. Болдышевым** и Н.Ф. Шульгой);

1975-1995 гг. – развита теория квантовоэлектродинамических процессов при высоких энергиях в кристаллах (совместно с Н. Ф. Шульгой).

Дополняет приведенную выше информацию и сохранившееся до наших дней в Научном архиве Президиума Национальной академии наук Украины экспертное заключение по выборам А. И. Ахиезера в члены-корреспонденты АН УССР, за подписью академика Н. Н. Боголюбова:

«Профессор А. И. Ахиезер является выдающимся советским физиком-теоретиком, внесшим выдающийся вклад в развитие науки. Он является одним из наиболее активно работающих в области теоретической физики советских ученых.

Им выполнено около ста работ, посвященных различным проблемам ядерной физики, квантовой электродинамики и теории ускорителей заряженных частиц. Ряд трудных и остроумных исследований, давших фундаментальные результаты, внесли существенный вклад в разработку этих проблем и сделали его имя известным и авторитетным среди ученых Советского Союза и за рубежом.

Профессор А. И. Ахиезер является одним из лучших советских физиков-теоретиков, работающих в области физики атомного ядра и квантовой электродинамики. Ему принадлежат первоклассные работы по рассеянию γ -квантов ядрами, по дифракционному рассеянию ядерных частиц. Им установлена возможность нового явления – дифракционного расщепления дейтронов ядрами.

А. И. Ахиезер является автором пионерских работ по рассеянию нейтронов в кристаллах, которые приобрели особенно большую важность в связи с вопросом о замедлении нейтронов. Большое значение имела его первая работа по определению критического размеров реактора с учетом замедления нейтронов.

*Особенно нужно отметить работы профессора А. И. Ахиезера и его школы по теории линейных ускорителей заряженных частиц*** и теории плазмы****...*

*Из воспоминаний академика В. Г. Барьяхтара:

«А. И. Ахиезером была создана “команда”: Ахиезер – Барьяхтар – Пелетминский, которая проработала в дружбе, согласии и с общепризнанными успехами 16 лет (1956-1972). Я не знаю другой такой столь квалифицированной команды, которая так согласованно и так продолжительно работала бы вместе.

Из множества результатов, полученных нами совместно, отмечу следующие: теория магнито-акустического резонанса в магнетиках (диплом на открытие с приоритетом от 1956 года, Государственная премия Украины 1987 года); теория обменной релаксации и релаксации магнитного момента в ферромагнетиках; квантовая теория термогальваномагнитных явлений в металлах и полупроводниках при низких температурах; построение операторов поверхностных электрического тока и теплового потока; теория релаксации разряженной плазмы в ультрасильных магнитных полях; теория пучковой неустойчивости в магнетиках; теория высокочастотной восприимчивости ферродиелектриков.

Этим же коллективом написана монография “Спинные волны” (в 1967 году изданная на русском языке, а в 1968 году – на английском), которая вот уже 43 года, практически не устаревая, широко используется и цитируется в научной литературе. Общее число ссылок на эту книгу за прошедшие годы составляет многие сотни (более 800)» [2, с.15-16].

**Из газетной заметки В. Ф. Болдышева “Школа академика Ахиезера”:

«В 1971 году Александр Ильич Ахиезер в соавторстве с коллегами по отделу выпустил первую работу, посвященную физике взаимодействия электрически заряженных частиц в кристаллах.

В то время в научном мире считалось, что эта тематика практически исчерпала себя. Но Александр Ильич вместе с учениками нашел другие, оригинальные подступы к решению проблемы. И впоследствии эта работа инициировала во многих лабораториях мира проведение под новым углом зрения углублённых исследований по, казалось бы, бесперспективной теме.

А в самом ХФТИ даже был создан специальный отдел, который возглавляет ученик Ахиезера Николай Фёдорович Шульга. И по результативности исследований отдел этот заметно обошел все зарубежные научные лаборатории такого же профиля» [«Вечерний Харьков» от 25 июня 1996 г.].

*** Из воспоминаний профессора Г. Я. Любарского: «Эта тема, “спущенная сверху”, была объектом пристального внимания директора института Кирилла Дмитриевича Синельникова. В работу были втянуты оба теоретика, и работы хватало на всех...

Никто из нас до этого ускорителями не занимался, и первое, что мы постарались сделать, – это “отерорфизичить” ускоритель. Говоря проще, мы постарались отыскать все малые параметры задачи и максимально использовать их малость. Это была идея наших старших товарищей АИ и ИМ. Трудную задачу расчёта электромагнитного поля взял на себя дополнительно Яков Борисович Файнберг.

Мы часто докладывали директору, как продвигается наша работа. Он всегда слушал уважительно, как бы желая подчеркнуть, что мы

А. И. Ахиезер является одним из ведущих в СССР работников в области плазмы, получившим весьма важные результаты, касающиеся поведения пучков быстрых частиц в плазме и их устойчивости, а также по нелинейным волнам в плазме. Исследования А. И. Ахиезера по диффузии и рассеянию нейтронов и дифракционному рассеянию частиц завершилось изданием широко известной монографии по теории ядра, удостоенной АН СССР премии имени Л. И. Мандельштама.

А. И. Ахиезер одним из первых в Союзе стал заниматься вопросом квантовой электродинамики, в частности ему принадлежат первые работы по нелинейной электродинамике.

Его книга по квантовой электродинамике признаётся лучшей в мировой литературе по этой важнейшей для теоретической физики области. Большое значение имеет исследование А. И. Ахиезера по квантовой теории ферромагнетизма и по теории кинетических процессов в металлах и диэлектриках.

*А. И. Ахиезер в своей работе теснейшим образом связан с экспериментальными исследованиями****, ведущимися в ФТИ АН УССР и других научных учреждениях. Всё это показывает, насколько широк диапазон проблематики работ А. И. Ахиезера, которые отличаются актуальностью и глубоким проникновением в физическую сущность процессов...».*

Нельзя не восхититься и мужеством Александра Ильича Ахиезера, с которым он принял непоправимый удар судьбы – полную потерю зрения в 1995 году. (По этому поводу Александр Ильич как-то сказал: «Николай Николаевич Боголюбов учил меня, что жаловаться на Бога и на судьбу нельзя».)

Его дочь Зоя вот как описывает те годы: «Его мозг оставался молодым. Отца невозможно было представить немощным стариком. Ученики и сотрудники приезжали несколько раз в неделю. Но этого ему было мало. Новые мысли и идеи появлялись у него быстрее, чем реализовывались старые. В таких случаях папа просил меня записать главное, в уме проделывал сложные математические выкладки...»

Но бывало, что проходила неделя, а никто не приезжал (или Шульга уехал в командировку, или приехал кто-нибудь с докладом, или кто-то из “ребят” заболел и поэтому не успел подготовиться). В такие моменты АИ с грустью говорил: “Если бы у меня были глаза, мне никто не был бы нужен. Я бы всё сделал сам”...

По вторникам и четвергам обычно приезжали работать Сергей Владимирович с “ребятами”...

Николай Федорович Шульга приезжал по субботам или воскресеньям... С Николаем Федоровичем работали обычно долго. Кроме науки обсуждали различные институтские проблемы» [1, с. 268-270].

Нельзя не вспомнить и следующие слова Александра Ильича – крик его души: «**Я готов отдать все органы чувств, лишь бы вернулось ко мне зрение хотя бы одним глазом**».

Ко всему этому стоит заметить и то, что волновала Александра Ильича не только наука: он искренне переживал за судьбу страны и любимого института. До сих пор памятны его слова, сказанные им в конце 1994 года: «*Институт, которому я отдал шестьдесят лет жизни, фактически развалился. Душа болит, но куда деться! Слава Богу, что есть ещё несколько энтузиастов, с которыми можно что-то делать, а иначе нужно было бы наложить на себя руки*» [1, с.101].

И все же Александр Ильич не падал духом, не предавался отчаянию. Оптимизм в сочетании с нравственным началом – характерная черта и его научной школы.

физики-теоретики, а он “просто” физик. К нему всегда можно было зайти запросто. Мы этим, конечно, не злоупотребляли.

В кабинете у Кирилла Дмитриевича оба начальника теоретделов старались показать нас с лучшей стороны, они брали слово только для того, чтобы прийти на помощь докладчику. Впрочем, мы и не воспринимали АИ и ИМ как начальников. Они были для нас доброжелательными мудрецами. Оба они обладали одной поражающей нас способностью. Если не знать теорфизики достаточно глубоко, то легко получить абсурдный результат. В таких случаях и Александр Ильич, и Илья Михайлович с легкостью выводили нас из затруднений» [1, с.212-213].

*****Из воспоминаний члена-корреспондента К. Н. Степанова: «С 1956 года в институт стали регулярно поступать закрытые отчеты ЛИПАНа, которые докладывались на семинарах, проходивших в кабинете К. Д. Синельникова...»*

К участию в решении проблемы УТС были привлечены и многие сотрудники теоретдела АИ: Я. Б. Файнберг и Н. П. Селиванов, а также молодые научные сотрудники В. Ф. Алексин, Р. В. Половин, Н. А. Хижняк, В. И. Курилко, ваш покорный слуга и др...

АИ не обращал внимания на то, что вот сейчас, в данный момент, термояд нельзя сделать, он смотрел, что нового можно увидеть в плазме с термоядерными параметрами» [1, с. 289-290].

******Из статьи академика И. В. Курчатова «Развитие атомной физики на Украине»:*

«В январе нынешнего года я, как в старое время, провел в этом институте несколько дней, доставивших мне много радости...»

В настоящее время в области исследования ядерных реакций при энергиях сталкивающихся частиц от одного до ста миллионов электроновольт Украина, благодаря работам Физико-технического института Академии наук УССР в Харькове и Института физики АН УССР в Киеве, вышла на первое место в ряду братских республик нашей великой Родины...

В настоящее время в Харьковском физико-техническом институте начаты работы над главной проблемой современной науки – проблемой управления термоядерными реакциями. Успешное решение этой задачи откроет поистине невиданные перспективы.

В Харьковском физико-техническом институте работы по управляемым термоядерным реакциям под общим научным руководством К. Д. Синельникова начаты всего полтора-два года назад. Но за это короткое время выполнены важные теоретические и экспериментальные исследования свойств ионизированной плазмы» [Газета «Правда» от 7 февраля 1960 года].

29 августа 1982 года «Правда» рапортовала:

«**Новый шаг на пути к созданию управляемого термоядерного синтеза сделали ученые Харькова.** В Физико-техническом институте Академии наук УССР начала действовать одна из крупнейших в мире стеллараторных установок – “Ураган-3”. Широкая программа исследований предусматривает изучение закономерностей поведения плазмы, нагретой до нескольких десятков миллионов градусов... Первый стелларатор этого типа был создан в нашем институте в 1970 году. С тех пор в рамках общесоюзной термоядерной программы в Харькове сконструировано несколько подобных систем.

Ученых привлекает их способность работать в постоянном режиме, необходимом для функционирования будущих промышленных реакторов».

Институт теоретической физики имени А. И. Ахиезера

Если у меня есть серьезная заслуга перед страной, которая приносила **и будет приносить плоды** – то эта заслуга одна: это то, что я культивировал теоретическую физику в Харькове и тем самым в СССР.

*Академик И. В. Обреимов,
директор-организатор УФТИ*

31 января 1996 года – дата основания Института теоретической физики имени А. И. Ахиезера ННЦ «ХФТИ» НАН Украины.

Академик А. И. Ахиезер в своих мемуарных воспоминаниях объективно осветил – при исчерпывающей полноте и сдержанной краткости – центральные события и знаковые лица его предыстории: *«После отъезда Ландау из Харькова теоретическим отделом руководил автор этих строк, после войны из него выделился другой отдел, которым руководил И. М. Лифшиц.*

Сейчас бывшим теоретическим отделом Ландау руководит академик С. В. Пелетминский, а в Национальном научном центре “Харьковский физико-технический институт”, так теперь называется бывший УФТИ, есть ряд теоретических отделов, и все они объединены в единый Институт теоретической физики, директором которого есть мой ученик профессор Н. Ф. Шульга» [4, с.1025].

Становление же Института теоретической физики пришлось на период глобальных социальных катаклизмов. Распад СССР... Шоковая инфляция... Непонятная приватизация... Растущая безработица... Удручающее финансирование науки...

Некоторые, устав от безденежья, вообще ушли из науки, а другие – из-за «стеснённых обстоятельств» – вынуждены были искать лучшей доли в чужих краях. Да и безудержный отток за границу первоклассных ученых весьма серьёзно выхолостил отечественные научные центры.

Нельзя умолчать и о том, что тогда многие оказались на грани физического выживания. И далеко не каждый мог позволить себе отсутствие... огорода^{*****}, ибо покупка едва ли не всех продуктов питания была настоящей проблемой.

Однако институт выстоял и сумел сохранить свой уникальный научный потенциал, ибо остались оптимисты – те, кто действительно был увлечен наукой. И надо отдать должное их неистощимому энтузиазму, завидному терпению и преданности науке.

Ныне же представляется возможным реконструировать особенности периода становления Института теоретической физики из *первых уст* – исторических заметок директора-организатора института академика Николая Фёдоровича Шульги (по материалам его мемориальной статьи об академике Д. В. Волкове):

«В начале 90-х годов, после развала СССР, в институте наступили трудные времена в связи с резким сокращением финансирования и неопределённостью с принадлежностью института. Дмитрий Васильевич очень переживал за то, что происходило в бывшем СССР, в Украине и в ХФТИ...

Руководство ХФТИ предпринимало отчаянные попытки с тем, чтобы изменить ситуацию к лучшему. В 1993 году вышел Указ Президента Украины о присвоении ХФТИ статуса Национального научного центра с образованием внутри него пяти научно-исследовательских институтов. Наиболее подходящей организацией, в которую должен был перейти ХФТИ, была Академия наук Украины. Такой переход, однако, по разным причинам не получался.

Подразделения ХФТИ, в которых значительную часть работ составляли прикладные исследования, довольно быстро были преобразованы в институты. Это Институт физики твердого тела и радиационного материаловедения, Институт физики плазмы и Институт плазменной электроники и новых методов ускорения.

Сложнее оказалась ситуация с ядерщиками и теоретиками. Подразделения, в которых велись эти исследования, оказались в наиболее тяжелом положении, так как основная часть их работ проводилась в области фундаментальной физики. Дополнительное финансирование на выполнение таких исследований было практически невозможно найти. Это привело к возникновению тенденций к тому, чтобы если не весь ХФТИ, то хотя бы часть его перешла в Академию наук Украины.

Дмитрий Васильевич Волков к этому времени был уже академиком НАН Украины. Поэтому неудивительно, что ряд ведущих ядерщиков ХФТИ, которые радели за такой переход в Академию, обратились

^{*****}Примета времени: сотрудникам ХФТИ также были выделены близлежащие к институту участки земли под огороды.

Из воспоминаний Зои Спольник, дочери академика А. И. Ахиезера:

«Началась перестройка. Вскоре распался Союз.

На науку выделялось денег всё меньше и меньше. Зарплату выплачивали нерегулярно, с большим опозданием. Многие научные работники оказались в катастрофическом положении.

Выручал огород. Все – от лаборантов до докторов наук – сажали картошку. Каждый старался где-то как-то подзаработать. Папа очень переживал. Переживал за своих сотрудников, переживал за любимый институт...

АИ было горько, тяжело и обидно из-за распада Союза, из-за нищенского состояния науки, из-за деградации общества. Он был патриотом и всегда любил свою страну – всю страну, а не какую-нибудь её республику. Иногда он говорил: “Как я мог дожить до этого?”» [1, с. 266].

к Дмитрию Васильевичу с предложением, чтобы он стал в центре этих событий. Дмитрий Васильевич, хотя и плохо понимал организационную сторону вопроса, активно подключился к осуществлению этой идеи. Речь шла об образовании Института высоких энергий при Академии наук Украины на базе отделений ядерной физики и теоретделов ХФТИ.

У меня же по этому поводу, несмотря на общую поддержку идеи, была особая позиция. Она заключалась, как мне казалось, в практической её неосуществимости. Связано это с тем, что ХФТИ имеет общие коммуникационные сети, единую энергосистему и другие общие структуры. Поэтому из него невозможно выделить какую-то структуру, имеющую крупные базовые установки, такие как ускоритель. Да и Академии наук это было не очень-то нужно, так как она в то время находилась далеко не в лучшем положении. Академии нужен был весь ХФТИ как целое с тем, чтобы подключить ХФТИ к решению задач, позволяющих улучшить положение дел и в Академии.

Что касается теоретиков, то чувствовалось, что далеко не все из них согласились бы на такой переход, так как тематика теоретделов была гораздо более широкой, чем физика высоких энергий. Поэтому я отказался от участия в реализации этой идеи, считая её бесперспективной, о чём прямо сказал Дмитрию Васильевичу.

Ситуация вскоре разрешилась. Данный вопрос был поднят на ученом совете отделения ядерной физики. В результате тайного голосования большинство ведущих сотрудников отделения, однако, идею не поддержали.

Дмитрий Васильевич был очень раздосадован случившимся, в особенности тем, что идею не поддержали даже некоторые из тех сотрудников, которые первоначально просили Дмитрия Васильевича об этом (несмотря на то, что голосование было тайным, результаты в сложившейся ситуации логически “просчитывались”).

Между тем, ситуация в ХФТИ продолжалась оставаться очень сложной. Всё острее становился вопрос об образовании институтов теоретической и ядерной физики. Предполагалось, что образование этих институтов изменит ситуацию к лучшему в связи с созданием новой организационной структуры и возможностью отдельного финансирования.

С весьма неожиданным для меня предложением обратился Александр Ильич Ахиезер. Он предложил мне заняться организацией Института теоретической физики и возглавить этот институт.

Естественно, предварительно он обсудил этот вопрос с Дмитрием Васильевичем Волковым и Сергеем Владимировичем Пелетминским, сделав им аналогичное предложение. Дмитрий Васильевич и Сергей Владимирович, однако, отказались, сославшись на нездоровье и на то, что данный вопрос необходимо решать стратегически, так как процесс становления такого института должен занять большой промежуток времени.

Согласиться же мне на такое предложение было не очень-то просто по многим причинам. Прежде всего, более 10 лет я находился организационно вне теоретделов, хотя хорошо знал, что там происходит. Поэтому было непонятно, как воспримется в теоретделах моё возвращение. Было также неясно и то, как воспримется уход из экспериментального отдела, поскольку у ядерщиков происходили такие же события, как и у теоретиков с созданием института.

Был и ряд других, большей частью объективных причин для сомнений в том, что у меня может что-то получиться. А именно: после развала СССР в ННЦ “ХФТИ” возникла сложная ситуация, связанная с крайне недостаточным финансированием научных работ. Практически прекратились исследования на крупных физических установках, таких как всемирно известный ускоритель электронов на 2000 мегаэлектронвольт, в результате чего “потребность” экспериментаторов в связи с теоретиками резко уменьшилась.

Библиотека института практически перестала получать научную литературу, особенно иностранные журналы. Зимой в рабочих помещениях даже в верхней одежде невозможно было работать. Значительно снизилась активность научных семинаров.

Зарплата стала очень низкой, иногда она не превышала и пяти долларов в месяц. И даже при такой зарплате научные сотрудники должны были уходить в неоплачиваемые отпуска. Прекратился приём на работу молодых специалистов.

Особенно трудно было, естественно, теоретикам, так как они не имели возможности дополнительного заработка. Всё это привело к тому, что некоторые сотрудники ушли из института, а другие – вообще выехали за пределы Украины. Но хуже всего было то, что резко усложнились отношения между людьми. Поэтому нужны были экстренные меры по сохранению высококвалифицированных научных кадров.

В этой ситуации без твердой позиции и поддержки А. И. Ахиезера, Д. В. Волкова и С. В. Пелетминского у меня бы ничего не получилось. Но и этого было ещё недостаточно. Необходима была, прежде всего, поддержка коллектива теоретиков. Дмитрий Васильевич это хорошо понимал.

Поэтому по его инициативе в начале декабря 1995 года было собрано совещание ряда ведущих теоретиков с целью обсудить вопрос об организации Института теоретической физики. Присутствовали на том совещании, насколько я помню, Д. В. Волков, С. В. Пелетминский, Е. В. Инопин, В. Ф. Алексин, А. С. Бакай, В. В. Слёзов, В. Ф. Болдышев, А. А. Яценко, Р. В. Половин. Пригласил туда Дмитрий Васильевич и меня. Вёл это совещание сам Д. В. Волков.

Все участники совещания сразу же поддержали идею о создании Института теоретической физики. Затем Дмитрий Васильевич изложил предложение А. И. Ахиезера о том, чтобы я занялся организационными вопросами создания института и возглавил затем его.

Обсуждение этого вопроса было длинным и непростым. Сразу же были высказаны мнения о том, что делать этого не стоит, поскольку такой институт, учитывая его историю, должен возглавить “как минимум” член Академии наук Украины, и что этот вопрос необходимо рассматривать с учётом вопроса о создании Института ядерной физики. Поэтому всё внимание было сосредоточено на Д. В. Волкове и С. В. Пелетминском.

Дмитрий Васильевич и Сергей Владимирович, однако, отказались, аргументируя свою позицию отмеченными выше соображениями. Других предложений не было. Затем Дмитрий Васильевич предложил изложить моё видение вопроса об образовании Института теоретической физики.

Основная часть моих предложений заключалась в следующем. Прежде всего, необходимо было снять, или хотя бы ослабить противоречия, накопившиеся между теоретиками, и сделать более мобильными отделы института.

Для этого предлагалось сделать структуру института близкой к структуре академических институтов, предоставив возможность преобразования девяти теоретических лабораторий в теоретические отделы нового института: при условии выполнения требований Академии наук к таким отделам – в каждом отделе должно быть не менее 10 человек, пять из которых должны быть докторами или кандидатами наук.

Кроме того, предлагалось на период образования института разрешить переход сотрудников из одной лаборатории в другую с сохранением ставки. Тем самым каждый сотрудник института принимал решение самостоятельно – где ему работать (для теоретиков, учитывая специфику их работы, это возможно было сделать).

Дмитрий Васильевич эти предложения поддержал с большим энтузиазмом, видя в них элементы зарождающейся демократии. Поддержало их и большинство присутствующих.

Именно эти предложения и пути их реализации мы обсуждали с Дмитрием Васильевичем при встрече, которая состоялась первого января 1996 года.

Дмитрий Васильевич очень хотел, чтобы к теоретикам вернулся дух подъёма и доброжелательности, который был в 50-70-е годы, чтобы активизировались семинары, появился приток молодёжи, чтобы теоретики, как и в былые времена, собирались в неформальной обстановке по праздникам. Пятого января 1996 года, к сожалению, Дмитрия Васильевича не стало.

В настоящее время можно сказать следующее: в значительной степени всё то, о чём мы говорили с Дмитрием Васильевичем, воплотилось в жизнь. Девять теоретических лабораторий ХФТИ преобразовались в шесть теоретических отделов Института теоретической физики.

Практически сразу же было снято напряжение в отношениях между сотрудниками, так как каждый принимал решение о том, в каком отделе ему работать, только за себя. Активизировались научные семинары.

С целью более близкого ознакомления студентов с тем, чем занимаются учёные в Институте теоретической физики, на физико-техническом факультете Харьковского национального университета был организован общефизический семинар “Проблемы современной физики”.

Институт начал наполняться молодыми голосами. Всё чаще сотрудники института стали собираться в неформальной обстановке практически всем коллективом, чтобы обсудить важнейшие события. Думаю, что всему этому Дмитрий Васильевич был бы рад» [5, с. 53-58].

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. A.I. Akhiezer, *Очерки и воспоминания [Essays and Memories]*, (Kharkov, Fakt, 2003), p. 430. (in Russian)
2. V.G. Barjahtar, *Моя траектория [My trajectory]*, (Kyiv, Naukova Dumka, 2010), p. 80. (in Russian)
3. V.G. Lazarev, *Жизнь в науке. Избранные труды и воспоминания [Life in Science. Selected Works and Memories]*, (Kharkov, NSC KIPT, 2004), p. 702. (in Russian)
4. O.I. Akhiezer, *Ukrainian Journal of Physics*, **43**(9), 1021-1025 (1998). (in Ukrainian)
5. S.V. Peletminsky, editor, *Член-корреспондент НАН Украины Николай Федорович Шульга. К 60-летию со дня рождения [Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Ukraine Nikolay Fedorovich Shulga. To the 60th anniversary of the birth]*, (Kharkov, Kvant, 2007), p. 64. (in Russian)